

Последующие страницы никоим образом не нацелены ни на то, чтобы исчерпать тему, ни на то, чтобы сказать всю правду о творчестве Лакана. Эти уроки выявляют то, что мне представляется двумя главными опорами теории Жака Лакана, бессознательное и наслаждение, а также понятия, которые из них вытекают — понятия означающего, субъекта бессознательного и объекта *a*. Мне пришлось отказаться от рассмотрения многих аспектов этого творчества и сосредоточиться только на тех понятиях, которые, по моему мнению, лучше всего раскрывают имплицитную логику мысли Лакана. Таким образом, Лакан, которого я представляю на этих страницах, — это в некоторой степени «мой» Лакан. Точно так же образ Лакана, отраженный в этой книге, — не образ человека, его текстов или стиля, но образ логики, основной схемы его мысли, которая служит мне ориентиром в моей собственной работе с пациентами.

Главное, чему я научился у Лакана, — это свобода обращения с автором, вплоть до его полного переосмысления.

Я хотел бы выразить свою благодарность Ане Бедуэль за то, что она перевела с испанского первый набросок этого текста.

Урок 1

Две главные концепции: бессознательное и наслаждение

Урок 2

Бессознательное

Урок 3

Концепция объекта а

Урок 4

Фантазия

Урок 5

Тело

Выступление

Концепция Субъекта бессознательного

Урок 1.

Две основные концепции: бессознательное и наслаждение

*Симптом
Знак и означающее
Бессознательное и повторение
Что такое наслаждение?
Фаллическое наслаждение,
прибавочное наслаждение и наслаждение Другого
Удовольствие*

Я решил представить вам два фундаментальных принципа теории Жака Лакана, один, относящийся к бессознательному, второй — к наслаждению. Первый принцип звучит так: «*Бессознательное структурировано как язык*»; второй: «*Сексуальных отношений не существует*». Я бы сказал, что на эти два принципа опирается вся теоретическая конструкция психоанализа, что это предпосылки, из которых все вытекает, к которым все возвращается и которые служат основанием для этики психоанализа. По сути дела, если психоаналитик признает эти положения и поверяет их своей практикой, его манера выслушивать своих пациентов от этого особым образом меняется. В качестве ориентира я буду использовать одно понятие, понятие *симптома*, которое приведет нас сначала к принципу, относящемуся к бессознательному, а затем к принципу, относящемуся к наслаждению. Таким образом, признаем пока, что существует триада — симптом, бессознательное и наслаждение, и сразу же зададим вопрос: чем для нас является симптом?

Симптом, строго говоря, — это событие в анализе, одна из форм, в которых предстает опыт. Не все явления психоаналитического опыта — это симптомы, но любой симптом, проявившийся в ходе лечения, образует психоаналитический опыт. Опыт — это точечный феномен, особым образом выделенный момент, который отмечает и становится вехой

*Триада
симптом,
бессозна-
тельное и
наслажде-
ние*

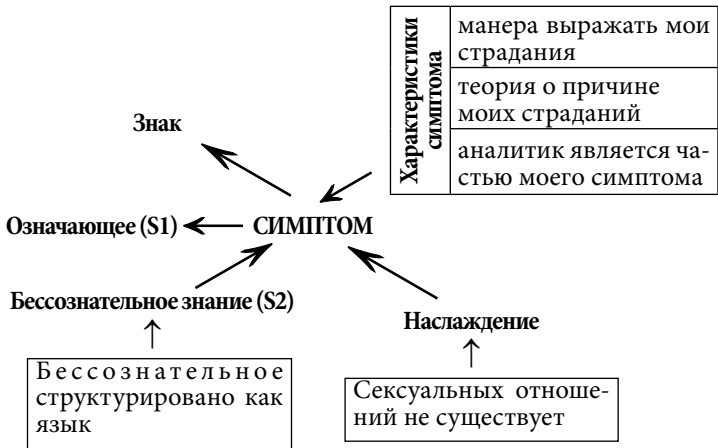
на пути анализа. Опыт — это серия моментов, ожидаемых психоаналитиком, моментов мимолетных, а в еще большей степени идеальных, таких же идеальных, как точки в геометрии. И тем не менее, этот опыт — не только абстрактная геометрическая точка; у него есть также эмпирическая, я бы даже сказал, чувственная сторона, сторона, воспринимаемая чувствами, которая предстает, как *тот миг, когда пациент говорит и сам не знает, что говорит*. Это момент бормотания, когда пациент заикается, момент, когда он сомневается и ему не хватает слов. Говорят, что психоаналитики-лаканисты интересуются языком, и их по ошибке уподобляют лингвистам. По ошибке, потому что психоаналитики — не лингвисты. Конечно, психоаналитиков интересует язык, но их интересует только предел, в который язык упирается. Мы внимательно отслеживаем те моменты, когда язык капитулирует и речь выходит из-под контроля. Возьмем, например, сновидение: мы придаем больше значения тому, как обо сне рассказывают, чем собственно самому сну; и даже не той манере, в которой о нем рассказывают, сколько тому моменту в рассказе, когда пациент останавливается и говорит: «Не знаю... я не помню... может быть... вероятно...». Именно этот момент мы называем *опытом*, осязаемой стороной опыта: бормотание, сомнение, ускользающее от нас слово.

Это что касается эмпирической стороны. А теперь обратимся к абстрактной стороне аналитического опыта и завершим наше определение. Я сказал, что опыт образует предельную точку речи, момент, когда речь терпит поражение. Но теперь я добавлю: там, где терпит поражение речь, появляется *наслаждение*. Мы сейчас осуществили перемену, перешли в радикальной иной регистр. Мы покидаем эмпирический порядок чувственного, чтобы перейти к теоретическим разработкам. Психоаналитическая теория постулирует, что в тот момент, когда пациента обгоняет его собственная речь, возникает наслаждение. Почему? Что такое наслаждение? Отложим на время этот вопрос до тех пор, пока не подступимся ко второму принципу — принципу несуществования сексуальных отношений. Поработаем пока над концепцией симптома и проследуем за первым принципом, который, как

мы увидим, утверждает, что бессознательное — это знание, структурированное как язык.

Снова зададим себе вопрос: что такое симптом? Мы все знаем, что симптом — это нарушение, от которого страдают и которое отсылает к болезненному состоянию, захватывающему нас извне и интерпеллирующему. Заболевание, которое мы описываем особыми словами и неожиданными метафорами. Но каково бы ни было страдание или особое слово для его выражения, симптом — это, прежде всего, произвольное действие, произведенное вне всякой интенциональности и какого-либо сознательного знания. Это действие, отсылающее не столько к больному состоянию, сколько к процессу, называемому бессознательным. Симптом для нас — манифестация бессознательного.

Рис. 1. Триада симптом, знание и наслаждение

Три характеристики симптома

Симптом охватывает три характеристики (рис. 1). Первая — та манера, в которой пациент говорит о своих страданиях, неожиданные детали в его рассказе и, в особенности, невольно вырвавшиеся слова. Я, например, имею в виду пациента, который, рассказывая мне о тревоге, которую испытывает при переходе моста, говорил: «Мне очень тяжело

туда идти, у меня не получается, если только меня сопровождают... Порой я мог перейти через него в одиночку, когда видел на другом конце моста силуэт агента или сторожа в форме...». В этом случае меня больше интересует деталь с человеком в форме, чем сама фобическая тревога.

Вторая характеристика симптома — теория, сформулированная пациентом для того, чтобы понять свое заболевание, потому что в анализе не бывает так, чтобы не задавались вопросом о причине своих страданий. Подобно тому, как Фрейд выявлял у детей теорию детской сексуальности, мы констатируем тот факт, что пациент тоже конструирует совершенно личную, карманную теорию в попытке объяснить свои страдания. Симптом — это болезненное событие, которое всегда сопровождается интерпретация пациентом причин своего несчастья. Итак, это фундаментально важный пункт. Настолько важный, что, если во время анализа, в ходе предварительных интервью, например, его собственные вопросы не задели субъекта за живое, если он не имеет представления о причине своих страданий, психоаналитик обязан пробудить в нем «теорию», подтолкнув пациента задаться вопросами о самом себе. Но по мере того, как в ходе анализа пациент интерпретирует и объясняет для себя причины своих страданий, возникает ключевой феномен: аналитик постепенно и незаметно становится адресатом его симптома. Чем больше я нахожу объяснений для моего симптома, тем больше тот, кто меня слушает, становится Другим моего симптома. Здесь мы имеем третью характеристику симптома: симптом требует и предполагает присутствие психоаналитика.

Психоаналитик является частью моего симптома

Поменяем терминологию и сформулируем иначе: главная характеристика симптома в психоанализе заключается в том, что психоаналитик является его частью. Когда лечение уже идет полным ходом, симптом настолько связан с присутствием психоаналитика, что одно напоминает о другом: когда я страдаю, я вспоминаю о психоаналитике, а когда я о нем думаю, мне вспоминаются мои страдания. То есть психоаналитик является частью симптома. Это третья черта симптома, которая открывает возможность для того, что мы

называем аналитическим переносом и что отличает психоанализ от всех других видов психотерапии. Собственно, если вы у меня спросите, что такое перенос в психоанализе, один из возможных ответов: это особый момент аналитических отношений, когда аналитик становится частью симптома пациента. Это то, что Лакан называет «субъектом, предположительно знающим». Выражение «субъект, предположительно знающий» означает не только, что пациент считает, что аналитик обладает неким знанием о нем. Дело не в том, что пациент предполагает, что аналитик знает, но в том, что он предполагает, что аналитик находится у истоков его страданий или любого неожиданного события. Когда я страдаю, а в особенности перед лицом события, заставшего меня врасплох, я вспоминаю об аналитике, причем до такой степени, что не могу не спросить себя, не является ли он одной из причин страдания или события. Например в ходе анализа такой пациент заявляет: «С тех пор, как я начал сюда ходить, у меня сложилось впечатление, что все, что со мною происходит, связано с нашей с вами работой». Беременная женщина скажет вам: «Я забеременела, но уверена, что моя беременность напрямую связана с анализом». Но что это значит — «напрямую связана с анализом?». То, что с определенной точки зрения аналитик будет духовным отцом ребенка, причиной события. Таким образом, то, что аналитик является частью симптома, означает, что он замещает причину симптома. Точно также выражение «субъект, предположительно знающий» означает, что аналитик сначала занимает место *адресата* симптома, а затем, становится и его *причиной*.

Для врача, который должен направлять лечение, крайне важно понимать, как по ходу сеансов этот феномен предположения приводит к включению психоаналитика в симптом. Так, я вспоминаю о психоаналитике, который в ходе проверки рассказывал мне о трудностях с пациентом, который уже два года был у него в анализе и, по-видимому, страдал от невроза навязчивости. Я ответил ему следующее: «Если после двух лет анализа, вы считаете, что у вашего пациента невроз навязчивости, скажите себе, слушая его, что симптом его невроза включает в себя вас. Да, попробуйте слушать пациен-

Психоаналитик — это Другой симптома

та, говоря себе, что вы являетесь частью навязчивости, от которой страдает пациент». Отметим, что именно в этом качестве активного слушания заключается главное различие между психиатрической диагностикой и психоаналитическим выявлением невроза. Когда аналитик диагностирует у своего пациента невроз, он знает, что является частью диагностируемого симптома. То есть феномен предположения сопровождает любое событие в анализе. Точно так же нет болезненного события, которое не «интерпретировалось» бы пациентом, чьи слова, страдания и верования постепенно охватывают личность врача.

*

*Симптом
— это знак*

На самом деле, на характеристику симптома можно взглянуть с другой точки зрения, различив две его стороны: сторону знака и сторону означающего. Сторона знака тесно связана с феноменом предположения, о котором мы только что говорили: происходит болезненное и неожиданное событие, пациент его объясняет и тут же ставит аналитика в положение Другого этого симптома и его причины. Это определение знака, предложенное Лаканом: знак — нечто, представляющее что-то для кого-то. В действительности, речь об определении, данном американским логиком Чарльзом Сандерсом Пирсом¹. Такой-то симптом представляет нечто для того, кто страдает, а иногда для того, кто слушает. Например, беременность для этой молодой женщины — плод аналитической работы, а для врача — один из терапевтических эффектов лечения. Это сторона знака в симптоме. Она образует фактор, благоприятствующий установке и развитию переноса.

Обратимся теперь к стороне означающего в симптоме. Из двух сторон эта наиболее важна для нас, потому что позволяет понять, в чем заключается структура бессознательного. Сторона означающего говорит нам: это страдание, которое

¹ «Знак, или *representamen*, — что-то, что занимает для кого-то место чего-то еще в каком-то отношении или при каком-то условии. Он адресуется кому-то, то есть создает в разуме этого человека эквивалентный знак или, возможно, более развитый знак» (Ch.S. Peirce, *Écrits sur le signe*, Seuil, 1978, p. 121).

Что такое
означаю-
щее?

меня охватило помимо моей воли, — *Одно* событие из многих событий, которые с ним тесно связаны, событие, в отличие от знака, не имеющее смысла. Но что такое означающее событие и, говоря шире, что такое означающее?

Означающее — это формальная и не дискрептивная категория. Неважно, что оно обозначает; например, мы выбрали фигуру симптома, но означающее точно так же может быть оговоркой, сновидением, рассказом о сновидении, деталью рассказа, самым жестом, звуком, даже молчанием или интерпретацией психоаналитика. Все эти проявления могут по праву считаться означивающими событиями при условии, что выполняются три лингвистических критерия, хотя термин «означающее» и происходит из лингвистики:

- Означающее — это всегда произвольное выражение говорящего. Какой-то жест может стать означающим, только будучи неловким или непредвиденным, произведенным вне рамок какой-либо интенциональности и сознательного знания.
- Означающее лишено смысла, оно ничего не означает и поэтому не является частью альтернативы между объяснимым и необъяснимым. Симптом в качестве означивающего события не требует ни предположения пациента, ни толкования психоаналитика. Одним словом, он *есть* и все.

Означающее *есть*, да, при условии, что оно остается прикрепленным к группе других означающих: оно *Одно* из многих, с которыми оно соединяется. Если *Одно* означающее воспринимается и пациентом, и аналитиком, остальные означающие, с которыми оно соединено, не воспринимаются. Это виртуальные означающие, актуализированные когда-то давно или еще вообще не актуализированные. Соединение между *Одним* и другими столько жесткое, что, думая об означающем, никогда не следует воображать его отдельно от других. Лакановский афоризм хорошо резюмирует это отношение: означающие являются означающим только для других означающих². Цель этой формальной формулировки —

2 Этот афоризм будет неполным, если не включить третий термин: субъект. Означающее представляет субъекта для других означающих. Скажем только, что не следует путать этого субъекта

Означающее повторяется

практическая: означающее не является означающим ни для пациента, ни для аналитика, но лишь для других означающих. Это собственно означает, что, как только появляется означающее, оно зовет за собой другие означающие, оставшиеся в прошлом, и предвещает неотвратимое появление будущих означающих. Я, например, могу удивиться симптому, который выходит за рамки моих намерений подобно «высказыванию», которое я делаю, сам того не зная, кроме того, я могу переносить его как болезненное событие, может быть даже так, что буду его интерпретировать, обдумывать, придавать смысл, и при этом, вопреки моим предположениям, через три дня, через год он может воспроизвести себя сходным образом или в форме другого события, внезапного и неуправляемого. Вот тогда я и задаю себе вопрос: «Как это может быть? Что во мне есть такого, из-за чего этот симптом неодолимо возвращается и безжалостно повторяется?» Здесь мы оказываемся перед проблемой повторения, к которой будем часто возвращаться, особенно на втором уроке. Пока повторим главную идею: одно дело конкретная и индивидуальная реальность симптома — фобия, связанная с мостами, например, другое дело статус означающего у этого симптома — та же самая фобия, но на этот раз рассматриваемая с точки зрения трех критериев, определяющих означающее. С точки зрения их индивидуальной реальности, все симптомы разные и никогда не повторяются в идентичной форме. Тогда как с точки зрения их формальной и означающей ценности, наоборот, все симптомы идентичны, поскольку они все появляются один за другим вместо *Одного*. Итак, вот основная идея, лежащая в центре лакановской концепции повторения: все события, занимающие место *Одного*, в формальном плане повторяются в идентичной форме, каковы бы ни были различия в их материальной реальности. Мы к этому еще вернемся.

екта с индивидом, но следует отождествлять его с абстрактной идеей субъекта аналитического опыта. Лакановская концепция субъекта бессознательного рассматривается в выступлении в конце книги.

Мы видим, что сторона означающего у симптома — факт того, что это невольное событие, лишенное смысла и готовое повториться. Короче говоря, симптом — это означающее, если мы будем считать его событием, причиной, смыслом и повторением которого я не управляю.

Лакан обозначает означивающее событие как S1. Число 1 отмечает, что это уникальное событие — симптом всегда относится к порядку *Одного* — а буква S обозначает означающее (signifiant). Тогда рассмотрение симптома как имеющего сторону означающего указывает на то, что он — *Один*, что этот *Один* застаёт врасплох и проникает в пациента незаметно для него, а затем повторяется; то есть, что будет еще один *Один*, потом еще один и т. д.

Но утверждение о том, что симптом — это означающее, подчеркивает не только то, что он — *Один*, что он сам в нас проникает и ускользает от нас, чтобы потом повториться, но особенно то, что он появляется в самый нужный момент для того, чтобы задать нам вопрос. Симптом в качестве означающего — это не страдание, которое мы переносим, так сказать, пассивно. Нет, это вопрошающее и даже релевантное страдание. Релевантное в качестве сообщения, рассказывающего нам о неизвестных фактах нашей истории, о том, чего мы до сих пор не знали. Еще одним примером означающего могла бы быть острота: острота, рассматриваемая в качестве спонтанной реплики, которая случайно сорвалась с языка, но оказалась настолько к месту и такой точной, что все смеются. Симптом то же может иметь это достоинство. Он может появиться в жизни субъекта в столь подходящий момент, что, даже будучи крайне болезненным, выступит как фрагмент, которого не хватало и который, если поставить его на его место в головоломке, представит нашу жизнь в совершенно ином свете, хотя и не завершит саму головоломку.

Значение симптома как означающего собственно и заключается в том, что он проявляется в нужный момент, как незаменимый элемент, который ставит перед пациентом и часто перед аналитиком новый вопрос, точнее, адекватный вопрос, открывающий доступ к бессознательному как знанию: «Но как это возможно, что этот симптом снова появ-

*Симптом
— это
вопрошающее страдание*

*Кто бы мог
подумать?*

ляется в такой удачный момент, что, хотя я и страдаю, он освещает мою жизнь новым светом? Какова та комбинаторика, которая помимо моей воли организует повторение моих симптомов и делает так, чтобы один из них появился как раз вовремя, чтобы я смог понять, что мое несчастье происходит только от моего желания?» Этот вопрос сильно отличается от того, который ставил проблему причины симптома и учреждал субъекта, предположительно знающего. Здесь субъект не задает вопрос симптому как знаку, его занимает не «почему», а «как». Как организуется последовательность событий его жизни? Каков этот порядок повторений? Это адекватные вопросы, потому что они ведут к гипотезе бессознательного как структуры. Чтобы высказаться яснее, я хотел бы вернуться к различию знак/означающее.

Давайте примем следующее. Рассматривать страдание, вызываемое симптомом, с точки зрения причины — значит делать из него знак; тогда как поймать себя на том, что страдание возникло в столь подходящий момент, как если бы оно было вызвано неким неизвестным мне знанием, — значит признавать его в качестве означающего. Повторим вопрос удивленного пациента, вопрос, который открывает путь к бессознательному: «Кто бы мог подумать?... Кто бы мог подумать, что смешное слово или же этот симптом, который мне что-то прояснил, возникнет в тот самый момент, когда я могу его наконец понять?». Аналитическая теория отвечает на него следующим образом: «Тот, кто смог специально поместить симптом или остроту так, чтобы заставить врасплох или дать понять, — не субъект, а бессознательное знание». Да, бессознательное — это, по сути дела, порядок знания, который субъект несет в себе, но который ему неведом. Но бессознательное — не только знание, заставляющее субъекта произносить нужное слово в нужный момент (при том, что он сам не знает, что говорит), это также знание, которое вынуждает к повторению того же самого слова позднее и в другом месте. Говоря обобщенно, бессознательное — это знание, не только потому что *оно знает*, как вставить такое-то слово в такой-то момент, но и потому что оно обеспечивает собственно повторение. Выразим это в следу-

*Бессозна-
тельное
знание*

ющей формулировке: бессознательное — это знание повторения.

Но что такое повторение? Вспомним его основную идею. То, что одно означающее повторяется в точности, как другое означающее, означает, что всегда есть событие, занимающее формальную клетку *Одного*, тогда как другие события, отсутствующие и виртуальные, ждут, чтобы потом тоже ее занять. Мы, я настаиваю, находимся в присутствии двух инстанций: первая инстанция — это *Одно*, соответствующее реально произошедшему событию, вторая — инстанция всех событий, прошедших и будущих, которые занимали или займут клетку *Одного*. Мысль, что бессознательное — это знание повторения, означает, что это не только знание, которое умет вставить нужное слово в нужный момент, но которое также заставляет двигаться хоровод прошлых или будущих элементов, которые когда-то занимали или должны будут занять клетку *Одного*, то есть место манифестированного означающего. Бессознательное — это движение, которое обеспечивает повторение, или, скорее, обеспечивает, чтобы место *Одного* снова и снова оказывалось занятым. Короче говоря, что мы хотим объяснить этим формалистским взглядом на динамику бессознательного знания? Что бессознательное — это постоянно активный процесс, который непрерывно экстериоризируется через действия, события и слова, объединенные условиями, определяющими означающее, а именно: произвольность, уместность, отсутствие смысла и повторяемость в качестве события, находящегося в связи с другими событиями, отсутствующими и виртуальными.

*

Но здесь я должен сделать важное уточнение, чтобы лучше обрисовать место бессознательного влечения. Представим себе, что я сейчас демонстрирую симптом в форме срывающегося у меня с языка слова. Несомненно, первоначально этот симптом появляется во мне, но в следующий раз он может повториться не только во мне, но и где-нибудь еще, в речи другого субъекта, с которым я нахожусь в от-

Бессознательное
— это
хоровод оз-
начающих,
которые...

ношениях переноса. Таким образом, означающее повторяется, занимая клетку *Одного*, эту клетку, которая может быть у одного или у другого человека, не важно. Означающее отскакивает от одного субъекта к другому таким образом, что повторяющаяся последовательность, цепочка означающих, я хочу сказать упорядоченный хоровод элементов, которые уже повторялись или еще повторятся, сама эта процессия, эта структура не принадлежит никому. Нет структуры самой по себе и нет бессознательного самого по себе. Возьмем пример интерпретации, предложенной психоаналитиком. Вероятно, самый важный момент лечения — тот, когда аналитик дает свою интерпретацию. Но что такое интерпретация в строгом смысле слова, как не выражение бессознательного аналитика, а не его знания? Здесь я хочу подчеркнуть, что, если мы применим тезис о повторении означающего — рикошетом отскакивающего от одного субъекта к другому, чтобы понять, как у терапевта появляется интерпретация, мы должны изменить нашу формулировку. Вместо того, чтобы заявлять: «Интерпретация выражает бессознательное психоаналитика», мы должны поправить себя и сказать: «Сегодня интерпретация выражает в высказывании аналитика симптом, проявившийся вчера в высказывании пациента». Или же: «Интерпретация, сформулированная аналитиком, актуализирует бессознательное аналитика». Или даже лучше: «Интерпретация активизирует бессознательное анализа.» При этом не будем забывать, что эти следующие друг за другом появление, исчезновение и возвращение одного и того же означающего элемента в разное время, в разных местах и у разных субъектов — процесс, который начинается только при условии прочно установившихся отношений переноса.

... связы-
вают ана-
литика и
пациента

*

Вот в общих чертах аргумент, на котором основывается первый принцип, определяющий бессознательное как знание, имеющее структуру языка, и следствие, которое из этого следует.

Бессознательное — это ткань, которую тклет работа означающих повторений, точнее, бессознательное — это виртуальная цепь событий или «высказываний» (*dires*), которое *умеет* актуализироваться в своевременно «сказанном» (*dit*), которое субъект говорит, сам не зная того, что говорит.

Это «сказанное», которое субъект излагает, сам того не зная, и которое актуализирует бессознательную цепочку высказываний, может с равной вероятностью всплыть в речи как одного, так и другого партнера по анализу. Когда «сказанное» возникает у пациента, мы, помимо прочего, называем это симптомом, оговоркой или остротой, а когда оно возникает у психоаналитика, мы, помимо прочего, называем его интерпретацией. Вы видите, что бессознательное соединяет и связывает людей. Таков, по моему мнению, один из фундаментальных лакановских тезисов. Бессознательное — это язык, который соединяет партнеров по анализу: язык соединяет, а тело разъединяет, бессознательное связывает, а наслаждение отстраняет. Мы еще вернемся к проблеме тела и наслаждения, но тезис о структурированном бессознательном теперь позволяет нам вывести важнейшее следствие для работы с нашими пациентами. Если бессознательное — это структура повторяющихся означающих, которые актуализируются в «сказанном» одним или другим субъектом анализа, отсюда следует, что бессознательное не может быть индивидуальным, закрепленным за каждым, и что, как следствие, мы не можем приписать отдельное бессознательное аналитику и отдельное бессознательное пациенту. Бессознательное не индивидуально и не коллективно, но производится в промежутке (*l'entre-deux*), как уникальная сущность, проходящая и охватывающая и одного, и другого участника анализа.

*

Мы, таким образом, пришли к основанию первого фундаментального принципа: «Бессознательное структурировано как язык». После наших рассуждений мы могли бы снова обратиться к этой формулировке и теперь предложить ее в следующем виде: «Бессознательное — это *знание*, структуриро-

ванное как язык», или даже еще проще: «структурированное знание». Когда Лакан впервые произнес свою формулировку, он понимал бессознательную цепочку высказываний в лингвистических категориях метафоры и метонимии. Затем, чтобы установить более строгие законы, управляющие языковой структурой бессознательного, Лакан обратился к концептуальному аппарату формальной логики. Конечно, нам во время этих уроков еще представится возможность вернуться к функционированию структуры бессознательного. Пока остановимся на этом и запомним исходную формулировку первого принципа: бессознательная цепочка высказываний структурирована как язык, или же: «Бессознательное — это знание, структурированное как язык».

Второй фундаментальный принцип касается наслаждения и звучит так: «Сексуальных отношений не существует». Итак, чтобы понять лакановскую концепцию наслаждения и заложить основу для второго принципа, мы должны снова обратиться к нашей путеводной нити, симптому, и вернуться на путь, проложенный Фрейдом.

Вспомним, что для того, чтобы обосновать первый принцип бессознательного, мы охарактеризовали симптом с точки зрения его эмпирической стороны, связанной с несостыковкой в рассказе, с точки зрения его статуса знака, который побуждает пациента и даже аналитика строить предположения, и наконец, и его статуса означающего, которое заставляет врасплох, напрашивается само собой и возвращается вне какой бы то ни было интенциональности. Тем не менее, мы еще ничего не сказали о самом очевидном аспекте симптома, наиболее очевидным для того, кто страдает, то есть о самом факте страданий, болезненном чувстве, вызванном психическим расстройством. Симптомы по сути являются болезненными проявлениями внешне бесполезных действий, которые совершают с чувством глубокого отвращения.

Но если для меня симптом означает, главным образом, претерпевание означающего, то для бессознательного, наоборот, он означает наслаждение удовлетворением. Да, на-

*Симптом
— одно-
временно и
боль, и об-
легчение*

слаждение удовлетворением, поскольку симптом как боль, так и облегчение, страдание для меня, но облегчение для бессознательного. Но почему облегчение? Как можно утверждать, что симптом успокаивает и освобождает? От какого гнета он нас освобождает? Вот этот освобождающий и успокаивающий эффект симптома мы и считаем одной из основных форм наслаждения.

Между тем, остановимся на мгновение и зададим себе более общий вопрос: что такое наслаждение и каковы его формы? Теория наслаждения, предложенная Лаканом, — сложная конструкция, различающая три модуса наслаждения. На этих уроках мы нередко будем иметь возможность заняться проблемой наслаждения, но я хотел бы сейчас сказать вам самое главное. Прежде всего, позвольте сделать терминологическое уточнение. Несомненно, слово «наслаждение» тут же вызывает у нас мысль о сладострастии. Но как это часто бывает, слово из аналитического словаря оказывается настолько маркированным своим обычным смыслом, что работа теоретика заключается в том, чтобы отделить аналитическое понятие от обычного. Именно такую работу мы и должны здесь проделать со словом «наслаждение», четко отделив его от идеи оргазма. Таким образом, всякий раз, когда вы слышите от меня слово «наслаждаться» или «наслаждение», я прошу вас забывать о его отсылке к оргазмическому удовольствию.

*

После этого уточнения вернемся к самой концепции наслаждения. Чтобы рассказать о лакановской теории наслаждения, я должен прежде всего напомнить фрейдовский тезис о психической энергии, как я его интерпретирую. Прежде всего постулируем посылку. Согласно Фрейду, человек охвачен постоянным и неосуществимым стремлением достичь невозможной цели, абсолютного счастья, которое рядится в разные одежды, одна из которых гипотетическое абсолютное сексуальное удовольствие, испытываемое от инцеста. Это стремление, которое называется желанием, этот порыв, рождающийся в эрогенных зонах тела, порождает болез-

ненное состояние психического напряжения — напряжение еще больше обострено от того, что порыв желания сталкивается с барьером вытеснения. Чем сильнее вытеснение, тем больше напряжение. Перед стеной вытеснения напор желания вынужден одновременно пойти по двум противоположным путям: пути разрядки, посредством которой энергия высвобождается и рассеивается, и пути сдерживания, на котором энергия сохраняется и накапливается в качестве остаточной энергии. Таким образом, одна часть преодолевает вытеснение и разряжается вовне в форме траты энергии, сопровождающей каждое из проявлений бессознательно-го (сновидение, оговорку или симптом). Именно эта неполная разрядка дает облегчение, о котором мы говорили в случае симптома. Другая часть, которой не удастся преодолеть плотину вытеснения и которая удерживается внутри психической системы, — это избыток энергии, который в свою очередь приводит к перевозбуждению эрогенных зон и постоянно повышает уровень внутреннего напряжения. Сказать, что этот избыток энергии постоянно поддерживает высокий уровень напряжения, — значит сказать, что эрогенная зона, источник желания, находится в постоянном состоянии возбуждения. Можно также представить себе третий исход для психической энергии, третью возможность, абсолютно гипотетическую и идеальную, поскольку она никогда не реализуется желанием, а именно полную разрядку энергии. Разрядка, производимая без помех со стороны вытеснения, или какого-то другого ограничения. Последний исход остается столь же гипотетическим, как и абсолютное сексуальное удовольствие, нельзя никогда получить, о котором говорил Фрейд.

Ну что же, я предлагаю вам следующую аналогию, которую мы откорректируем позднее: психическая энергия, с этими ее тремя судьбами, по-моему, соответствует тому, что Лакан обозначает термином наслаждение, с тремя характерными состояниями: *фаллическое наслаждение, прибавочное наслаждение и наслаждение Другого*. *Фаллическое наслаждение* соответствовало бы энергии, рассеиваемой за счет частичной разрядки, эффектом которой становится

Три состо-
яния на-
слаждения

Фалличе-
ское на-
слаждение

относительное облегчение, неполное облегчение бессознательного напряжения. Эта категория наслаждения называется фаллической, поскольку ограничение, открывающее и закрывающее доступ к разрядке, — это фаллос; Фрейд бы сказал, вытеснение. В сущности, фаллос функционирует как шлюз, регулирующий ту часть наслаждения, которая выходит (переживает разрядку), и ту, которая остается в системе бессознательного (остаточный избыток). Я не могу здесь распространяться о причине, которая заставила Лакана концептуализировать фаллос как заслон для наслаждения. Я объясню это позднее и попрошу вас только запомнить, что самое главное в фаллической функции состоит в том, чтобы выпускать или не выпускать наслаждение наружу. Наружу куда? В пространство неожиданных событий, слов, фантазий и всей совокупности внешних продуктов бессознательного, к которым относится и симптом.

Прибавочное наслаждение

Другая категория, *прибавочное наслаждение* (*plus-de-jouir*), соответствует наслаждению, которое в свою очередь удерживается внутри психической системы и которому фаллос мешает выйти. Прилагательное «прибавочное» указывает на то, что часть энергии, которая не прошла разрядку, остаточное наслаждение — это избыток, постоянно увеличивающий интенсивность внутреннего напряжения. Заметим также, что остаточное наслаждение, о котором мы говорим, остается глубоко связанным с эрогенными зонами и отверстиями тела — ртом, анусом, вагиной, венечной бороздой и т. д. Напор желания рождается именно в этих зонах и в свою очередь прибавочное наслаждение непрерывно стимулирует эти зоны и поддерживает их в постоянном состоянии эрогенности. Мы будем часто возвращаться к этой категории прибавочного наслаждения, когда будем изучать лакановскую концепцию объекта *a* и его место в отношениях пациента и аналитика.

Наслаждение Другого

Наконец, третья категория, *наслаждение Другого*, в фундаментальном смысле гипотетическая, соответствующая идеальному случаю, в котором напряжение разрядилось бы полностью, не встретив никаких помех и преград. Это наслаждение, которое субъект предполагает у Другого, при

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)